

Вопросы к докладчикам и ответы

Вопрос (А.В. Шубин):

Степан Степанович, Вы поделили периоды развития России на успешные и неуспешные и связали их с демографией. К какому периоду Вы относите правление Петра I? И на какие демографические данные Вы при этом опираетесь? К оппоненту у меня такой вопрос: Вы сказали, что общества в России, скорее всего, нет. Соответственно, вопрос к Вам как к философу: что такое общество?

Ответ (С.С. Сулакшин):

Первое. Не надо представлять так, что историческая шкала России может быть разбита на отрезки исключительной успешности, перемежающиеся с исключительной неуспешностью. Тот метод, который мы хотим применить, позволяет выявить в сплошном наборе событий (иногда невооруженным глазом не различить в этом потоке событий признаков успешности и неуспешности) отдельные составные части. Для этого и придумана декомпозиция верхнего интегративного потенциала жизнеспособности в пирамиде на десятки различных факторов. Например, в демографическом исследовании в качестве критерия успешности выступали такие показатели, как рождаемость, смертность, продолжительность жизни, миграционное сальдо. Мы исследовали более 70 факторов, из которых значимыми оказались не все. Наиболее значимыми оказались четыре, которые представляют собой идейно-духовное состояние общества, которое мы нашли способ оцифровывать, в том числе адресуясь в историческую глубину. Цивилизационная идентичность страны — неформализуемый параметр, но мы тоже предложили способ ее оцифровывать, и далее — качество государственного управления. Уровень жизни — материальный фактор демографического успеха. С ним проще, это вычисляемые,

статистические вещи. В истории статистические ряды, к сожалению, небесконечны в глубину. Наши попытки показывают, что глубже XVIII в. мы, возможно, чего-то не найдем. Поэтому трудно сейчас ответить Вам, удастся ли нам до эпохи Петра дать не вкусовые оценки — Петр сломал самоидентичность России, и это фактор вроде бы разрушительный. Он приговорил ее к бесконечному поиску западного облика, и за это его надо осуждать, но это не значит, что нужно вернуться к лаптям — такого вывода мы пока не делаем. Какой вывод мы сумеем сделать, увидим из того набора статистики, до которого дотянемся.

Второе, в этой связи также важное. Тот факторный профиль или образ успешности страны на сегодня, который мы хотим актуальным образом получить как руководство к действию, конечно, складывался исторически. Тот, который имеется на сегодня, не совпадает, вероятнее всего, с тем, который был в XIX в. и ранее. Будет очень интересно увидеть его генезис, что мы и надеемся получить.

Ответ (В.М. Межуев):

Вы задали вопрос, на который можно ответить по-разному. Профессиональные историки и философы истории порой расходятся между собой в определении многих категорий, в том числе и таких, как общество, цивилизация, культура и пр. Так большинство современных историков насчитывают в истории определенное множество цивилизаций, тогда как философы склонны употреблять это понятие в единственном числе. Это касается и понятия общества. Обычно обществом принято называть любое сообщество людей — первобытное общество, средневековое общество, современное общество, восточное и западное общество, сельское и городское общество, аграрное и индустриальное общество, сословное и гражданское общество и т. д. Все они, конечно, отличаются друг от друга, но в равной степени могут именоваться обществом. История, с этой точки зрения,

есть либо сосуществование разных обществ, либо смена одного общества другим. И против такого употребления этого понятия трудно что-то возразить. Но если первобытное общество — это общество, как и все остальные, в чем тогда состоит общественный прогресс, что, собственно, меняется с переходом от одного общества к другому? И зачем тогда вообще нужна история? Не все ли равно, в каком обществе жить, если все они в равной степени общество? Философ же называет обществом лишь ту систему отношений, которая, с его точки зрения, наиболее предпочтительна для человека, в наибольшей степени выражает его сущность. Если человек в любом обществе чувствует себя полноценным общественным существом, в чем тогда смысл происходящей в истории общественной эволюции? Не является ли сам факт такой эволюции указанием на то, что общество, позволяющее человеку быть самим собой, еще не сложилось, находится в процессе своего становления? И тогда все существовавшие и существующие общества следует рассматривать, как только подготовительные ступени к такому обществу, как его незрелые, не полностью развившиеся формы, которые только условно можно называть обществом. Иными словами, философы употребляют понятие общества не в описательном (дескриптивном), а в нормативном смысле, не во множественном, а в единственном числе (то есть говорят об Обществе с большой буквы), фиксируя в этом понятии не то, что есть, а что должно быть с точки зрения существования человека как личности.

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

У меня вопрос к С.С. Сулакшину. Я не вполне понимаю дискурс нашего обсуждения и цель нашего исследования. Допустим, что обсуждение было глубоким и плодотворным, исследование выполнено, мы все поняли. Есть рекомендации, есть понимание. Спрашивается, а кто же это будет воплощать? Кто тот субъект, которому мы адресуемся?

Ответ (С.С. Сулакшин):

Спасибо, что Вы включились в работу нашего семинара. И Ваш вопрос ожидаем. Поверьте, этот вопрос задавался уже раз сорок, не меньше. Этот вопрос, вроде бы, может перечеркивать все наши усилия: «Зачем вы все это изобретаете? Кому вы это в руки дадите? Кто в этом разберется и поймет?» Тем более «кто это будет воплощать в жизнь?» Если посмотреть наверх, то там таких героев пока не видно. Не видно божьего промысла, по которому такой просвещенный, просветленный, эффективный, профессиональный и т. д. лидер появится в нашей стране. Да, есть серьезное сомнение, которое подрывает и нашу энергетику и нашу уверенность в намерениях и в работе, но не до конца. Шанс повлиять на дела в Отечестве есть. Материалы, которые мы производим, передаются в первые руки, и не просто безмолвно, а сопровождаясь некими усилиями по просвещению, убеждению, разъяснению, влиянию. Могу привести последний пример, может быть, вы его заметили в прессе, когда наши работы были артикулированы по поводу политики ЦБ, Минфина и Кудрина, по его монетаристской парадигме, то срочно были мобилизованы контрусилия, спичрайтеры, запущены в прессу и в интернет контртехнологии, для того чтобы дезавуировать это влияние на лиц, принимающих решения. Как вы понимаете, таких лиц у нас два — Медведев и Путин. Позиция монетаристов уже начала расшатываться. Это уже результат, в том числе и наших усилий. Образ у нас такой: капля за каплей будем долбить камень.

Вопрос (Е.В. Балановская):

У обоих докладчиков, несмотря на различия их мнений, есть общая черта — они рассматривают народ, население, как единообразное. Тем не менее, мы знаем, что народ, население многообразно. Что я имею в виду? Если национальная идея — это устойчивое представление индивида о прошлом, настоящем и будущем, то оно различно у татар сибирских

или, скажем, казанских татар. В целом у татар это мнение будет отличаться от мнения русского народа. Вопрос: это многообразие является, чем? Оно к несчастью или к счастью? Кого предпочтительнее иметь — социально единообразного клона или иметь такое многообразие при реализации национальной идеи? Т.е. у нас это многообразие является досадной помехой для реализации национальной идеи или русской идеи? Или это является нашим богатством, нашим внутренним ресурсом для сохранения жизнеспособности нашей страны?

Ответ (С.С. Сулакшин):

Вообще-то говоря, своим вопросом Вы справедливо разбиваете нашу постановку, пирамиду факторных оснований в части этнического состава. Действительно, многоэтническое, многокультурное народонаселение в стране, добавлю еще, в очень большой стране, это наша специфика, добавлю еще географически привязанное, не мобильное по территории население, добавлю еще этнически перемещаемое в пограничных областях, этнически замещаемое, в отдельных республиках этнически сепаратизирующееся и т. д. Это есть то фактическое многоцветие, в условиях которого, объявляя нашу цель, страна должна быть жизнеспособной. Мы обязательно должны исследовать и делать исходной точкой идентификацию проблем и находить их решение. Хорошо это или плохо? Когда это хорошо. Например, известно, что сложная система до определенной степени усложнения более устойчива, чем простая система. В этом смысле культурное, этническое многоцветие — это наше богатство. Это историческое накопление, которое формирует явление, как мы называем, матрешечной идентичности. Идентичность этничная, культурная, языковая, идентичность местная, российская. Целый вложенный ряд. С большим уважением, выписывая Закон о взаимоотношениях органов государственной власти с религиозными организациями, относимся к местным верованиям. Это

ценность. Так же как этничность региональная. Этничность цивилизационно русская. Мы не располагаем их по горизонтали, сталкивая друг с другом, мы видим это как вложенную матрешку. Это данность. Поскольку это данность, то это наша ценность, и мы ее обращаем в силу нашего государства. Точно также мы видим, как ее обращают в слабость нашего государства. Это сложное устройство страны, ее территории, ее населения, сложность системы государственного управления — данность, которая является исходной точкой и порождает сложные синтетические управленческие решения.

Ответ (В.М. Межуев):

Очень хорошо, что наше народонаселение обладает этническим многообразием, включает в себя множество этнических видов. Но таксономической единицей человеческого рода является все же не вид, а индивид. Этим человечество и отличается от растительного и животного мира, также обладающего видовым многообразием. Оно характеризуется не только видовым, но и индивидуальным многообразием. Общество в отличие от просто народонаселения объединяет людей не по признаку их принадлежности к тому или иному этносу (не говорим же мы о русском, татарском, якутском обществе), а в качестве индивидов, обладающих равными и одинаковыми для всех правами. Пока человек не осознал себя индивидом, не отличает себя от племени, общины, этноса, к которому принадлежит по факту своего рождения, говорить об обществе можно лишь в условном смысле. «Общественная история людей есть всегда история их индивидуального развития, сознают они это или нет», писал когда-то один умный человек. И только в качестве такого индивида человек нуждается в обществе, является общественным существом. Короче, индивид появляется только в обществе, и только в обществе человек может сохранить многообразие своих видовых — культурных и национальных — различий, не сталкивая их между собой в непримиримом конфликте.

Ведь дружат не сами по себе народы, а люди, представляющие разные народы, и, следовательно, осознавшие свою личную, индивидуальную причастность не только к своему собственному виду, но и к роду в целом, ко всем другим людям. Все межэтнические конфликты объясняются тем, что человек еще не обрел сознание своей индивидуальности, не отличает себя от своей группы, полностью слит с нею и потому воспринимает представителей другой группы как чужаков и даже врагов. Замечательно, конечно, что у нас много народов, но хорошо бы, если бы представители каждого из этих народов осознавали свою не только этническую, но и индивидуальную идентичность, делающую их не только народом, но и гражданами своего государства.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У меня конкретный вопрос. Фактором вы считаете признак или выбор предпочтения? Пример. Можно сделать выбор, что права человека, индивида важнее, чем общества. Это будет один выбор. Можно выбрать наоборот — это будет другой выбор. Это уже характеризует и человека и, если он найдет единомышленников, то и общество. Вы включили в признак смертность. Да, смертность — важный признак, но факторы, о которых я говорю, они формируют факторный портрет общества, а смертность может относиться и к смешанному обществу. Итак, вопрос: как Вы, разделяете или не разделяете эти вещи?

Ответ (С.С. Сулакшин):

Да, это важный методологический вопрос. Мы часто сталкиваемся с проблемами междисциплинарных барьеров, даже на уровне тезаурусов. Поэтому я уточню, как у нас выстраивается классификация. Фактор, с одной стороны, и критерий успешности или неуспешности, с другой стороны, — это причинно следственная пара. Фактор — это причина, следствие — это некоторый показатель. Конечно,

они в пирамидальной иерархии с этажа на этаж иногда меняются друг с другом местами. Фактор по отношению к вышележащему этажу становится критерием по отношению к нижележащему этажу. Факторы — это характеристика, обстоятельства, условия, состояния. Выбор предпочтения, на наш взгляд, опасная вещь, поскольку он очень подвержен вкусовым оценкам, вкусовым основаниям для этого выбора. Мы научились и надеемся, что у нас получится в этом исследовании, определять величину причинно-следственной связи. Скажем, определять разность влияния предпочтения индивидуалистической психологической поведенческой модели или коллективистской психологической поведенческой модели на конечное формируемое состояние. Какая из них более эффективна для некоего критерия, к примеру, для той же рождаемости? Это возможно установить на некоей объективной основе, используя динамические временные ряды. Поскольку мы уже этим занимались, более эффективна коллективистская модель для российского случая. Для западного — ровно наоборот.

Вопрос (С.Г. Кара-Мурза):

Степан Степанович, Вы говорите о России как о стране, а о жизнеспособности государства, почему? Второй вопрос: национальная идея относится к кому — к русским или Вы имеете в виду российскую нацию? И третий вопрос: вот Вы очень многие параметры определяете как жизнеспособность, они между собой хорошо коррелируют. Вы их интегрируете, хотя основания для этого очень слабые. Зачем интегрировать, когда можно разные стороны этого организма, страны, представить 5–6 хорошо взаимосвязанными, ясно связанными индикаторами?

Ответ (С.С. Сулакишин):

Страна и государство — два термина, соотносящиеся следующим образом: государство в широком смысле тож-

дественно стране, оно включает и народ, и территорию, и управление. Государство в узком смысле — это система управления, институт управления, это публичная власть. Чтобы не путаться в этих разных содержаниях, мы пришли к решению использовать обозначение государства в широком смысле — «страна», а «государство» использовать только как институт управления. Поэтому мы, конечно, говорим о жизнеспособности страны или государства в широком смысле. А особенности и качество государственного управления — это касается институционального понимания термина. Второй вопрос: кому адресуется национальная идея? К русскому народу, ядру этническому, или к российской гражданской нации, которая еще не сложилась? Здесь тоже есть сложная диалектика взаимоотношений. В демографическом исследовании мы убедились, что тема «русскости», русских цивилизационно-ценностных накоплений является фактором демографической жизнеспособности. Например, там, где больше всего русских сейчас, в условиях современной русофобской политики, культуры, телевидения и т. д., атак вполне очевидных, там выше смертность. Избирательный характер ударов по русским цивилизационно-ценностным накоплениям имеет результатом повышенную факторность или причинность в демографическом сокращении. Русский народ в структуре населения составляет более 80%. Мы убедились по истории, что когда этот процент снижался по каким-то причинам ниже каких-то критических значений, страна разваливалась. Это 1917 г., это 1991 г. и сейчас этот процент идет вниз, что является фактором угрозы. Национальная идея, конечно же, касается всего народонаселения страны, многоэтнического, при русском ядре, в том числе касается и тех членов нации, которые являются высокими руководителями, самыми высокими руководителями. Это — их замысел. Но ядро решений, ядро подходов к обратным задачам заключается в понимании, что русская цивилизационно-ценностная тематика здесь доминирует.

Эта та самая первая матрешка, в которую вся остальная мультикультурная, мультиэтническая идентичность вкладывается. Здесь есть естественные угрозы и опасности, которые очень активно сейчас разыгрываются, гипертрофируются. Попытки карикатуризации этой непростой мультиценностной проблематики в виде «русского фашизма», лозунга «Россия для русских» и т. д. — это вполне отчетливые провокационные технологии, цель которых — снижение жизнеспособности России как страны.

И третий вопрос: нужно ли такое количество факторов, параметров при описании, хорошо коррелирующих между собой? Не целесообразно ли было бы их агрегировать? Абсолютно правильный методологический взгляд на вещи. Действительно в демографическом исследовании от более 70 гипотетически предложенных параметров для изучения причинно-следственных связей мы в итоге пришли к четырем агрегированным. Это идейно-духовное состояние, цивилизационная идентичность, качество госуправления и материальные условия. Получены величины их связей и т. д. Разложение по большому количеству параметров позволяет понять инфраструктуру влияния, позволяет вести атомизированную диагностику, выписывать точечные рецепты. Это управленческая технология, которая необходима.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Уточняющий вопрос к Вадиму Михайловичу для более четкого понимания его позиции. В докладе прозвучало, что признаками любой страны являются территория, народонаселение и управление. Вы этот подход назвали геополитическим. Хотелось бы понять, в чем геополитичность этого подхода, хотя, казалось бы, это классика характеристики страны? Может, какие-то из компонентов, обозначенных, в Вашем понимании, в определении сущности страны, уходят? Может, какие-то новые существенные компоненты крайне важны, которые не учел докладчик?

Повторю. В качестве сущностных признаков страны указывались территория, народонаселение и управление. Пафос выступления докладчика — без этих признаков страны не может быть. Вы назвали этот подход геополитическим. В чем это состоит?

Ответ (В.М. Межуев):

Геополитика, как я ее понимаю, — это соединение географии с политикой. Геополитика — это политика, мыслящая в географических (пространственных) понятиях, или в понятиях государственного управления, распространенного на определенную территорию. Но именно так определил понятие страны наш докладчик, добавив к этому еще демографическую характеристику — народонаселение. Россия для него — это, прежде всего, страна. А для меня Россия — это в первую очередь общество, определенный общественный организм. Без понимания того, как устроен и функционирует этот организм, нельзя вообще разобраться в том, что происходит в России. А общество — это понятие не геополитическое, а социологическое и историческое, если угодно, хронополитическое, ибо общество существует не просто в пространстве, но и во времени, исторично по своей природе, и важно понять, в каком именно времени оно сегодня существует. Вот этого исторического контекста мне и не хватает в прослушанном нами докладе. Где, в какой точке истории, на какой ее ступени мы находимся, как вообще назвать то время, в котором мы живем? Я имею в виду не хронологическое, а историческое время. В Европе оно делится на Античность, Средние века, Новое и новейшее время. Каждое из них характеризуется своей качественной определенностью, своим типом общественных связей и отношений. Если придерживаться хотя бы этой — самой общей — системы исторических координат, где в ней наше место? Кто может ответить на этот вопрос/? В мировое пространство мы себя еще как-то вписываем, а вот в мировой истории, в историческом времени пока еще плохо ориентируемся.

С историческим временем у нас вообще большая проблема: все, что движется во времени, вызывает у нас чувство опасения и тревоги, надвигающейся угрозы, неминуемо ожидающей нас беды. Движению во времени предпочитаем расширение в пространстве, высшими достижениями в своей истории считаем присоединение новых земель, а не реформы, менявшие облик страны. Даже реформы Александра II и Столыпина трактуются многими не как движение вперед по пути обновления России, а как вынужденная мера по упрочению традиционной власти. А сегодня хорошим тоном считается возвеличивание правления Ивана Грозного и Александра III с их ориентацией на укрепление и стабилизацию существовавшего порядка. Консерватизм присущ нашему сознанию, видимо, в большей степени, чем авангардизм. Сегодня кто только не называет себя консерватором — и правые, и левые. Дух охранительства в нас явно сильнее духа реформаторства, блокируя или сводя на нет все попытки модернизации. На протяжении последних трехсот лет Россия прилагала огромные усилия по своей модернизации, создавая впечатление неизвестно куда мчащейся тройки, а воз вроде бы и ныне там. Триста лет модернизируемся, но никак в этот модерн попасть не можем. Похоже, мы страна перманентной модернизации, которая временами то вспыхивает, то угасает. Что толку в наличии большой территории и власти, если непонятно, в каком времени мы живем, куда движемся и чего хотим достичь в плане своего исторического будущего.

Вопрос (А.И. Соловьев):

Я смотрю на определение национальной идеи, там никакой специфики нет, в представлении о прошлом, настоящем и будущем. Это подходит к любому Вашему определению воззрения человечества: идея — не идея, сознание — не сознание, заблуждение. Меня интересует, где же все-таки специфическое содержание национальной идеи? Что касается России в этом плане, учитывая ее мультиконфессиональный,

многонациональный характер? Чем тогда содержательно национальная идея России будет отличаться от каких-то общечеловеческих представлений? Это первый вопрос. Второй вопрос: у меня создалось впечатление, что в докладе присутствовало целостное представление о России как о нединамичной структуре. Как все-таки, на Ваш взгляд относительно роли национальной идеи в развитии государства, влияют современные процессы глобального мира? В частности, концепция неокочевничества. Это второй вопрос.

И третий вопрос. Я хотел бы уточнить: от этой русофобской пропаганды, о которой Вы только что сказали, что, только лица славянской национальности умирают? Или попадают татары или еще кто-нибудь? Или только русские вымирают?

Ответ (С.С. Сулакишин):

Спасибо за вопрос, в особенности спасибо за подачу по поводу темы дефиниционной, принимаю ее. Это действительно очень большая тема. Когда складывалось определение национальной идеи, то мы делали это вполне осознанно, поживаясь, потому что есть коридор, по которому надо пройти. С одной стороны, традиция, причем не только в гуманитарной сфере, но и в государственном нормативно-правовом строительстве, заключается в том, что дефиниция строится по такому принципу: слева определяемое понятие, а справа ставятся спецификаторы, т. е. ответы — когда, почему, отчего, что из себя представляет. Это очень многие описательные вещи, отвечающие на вопросы: «Что это есть? Что за сущность слева у нас определяется?» Мы дали наше определение, и оно отвечает исключительно на вопрос «Что это такое?» Причем это определение, как вы, наверное, заметили, связано с целым рядом пирамидального смыслового и целеполагательного управленческого развития. Определение дано действительно универсальное, и Вы справедливо обратили внимание, что в силу этого определения, националь-

ная идея России структурно ничем не должна отличаться от национальных идей других государств. Это совершенно сознательное построение определения. Тезис заключается как раз в том, что любое состоятельное государство, в отличие от несостоявшихся, имеет свою национальную идею, и эта национальная идея направлена на охранение и гарантии существования этой страны сегодня и в будущем. А вот дальше, отвечая на Ваш вопрос, «чем содержательно российская национальная идея отличается от общечеловеческих идей и идей иных национальных государств?», — я адресую Вас к нашей идее факторного профиля. Этот образ наполнения при одной и той же линейке факторов — автаркия, этиaticность, структура бюджетов, структура геополитических конфигураций и т. д., десятки этих факторов — оптимальные значения этих факторов, необходимые для успешности страны, разные. Возникают разные профили — здесь российский, а там американский. Причем это не упрек ни в наш адрес, ни в американский. Это особенность исторического накопления цивилизационно-ценностной специфики отношений, ментальных установок, которые дают специфическую оптимизацию функции цели. Жизнеспособность страны у них обеспечивается одним набором факторов, а в наших условиях — в виде совершенно другого набора. Это ответ на вопрос, можно ли, снимая кальки с западного опыта, успешного для них, добиться успеха у нас? 20 последних лет убедительно показывают, что все прямо наоборот. Прямо как в высказывании: «что для русского здорово, для немца — смерть».

Второй вопрос. «В докладе Россия представляется якобы в виде целостной, нединамичной, как бы оскорбленной сущности. Как с глобальным миром в этом отношении?» Дела обстоят следующим образом. Есть исходная позиция, что национальные государства хоронить рано, по крайней мере, в исторической перспективе сотен лет. По нашим представлениям, этот институт, оболочечный институт, необходим для успешности географических и цивилизацион-

ных локалитетов, которые называются странами. А попытка окружающего глобального мира стереть с мировой карты российскую государственную сущность на сегодня идентифицируется вполне отчетливо. Я показал только несколько иллюстраций на эту тему. Иллюстрации в любой сфере государственного управления исчисляются многими десятками и не оставляют сомнения в том, что глобальный мир в ходе современной глобализации, миф о которой создан как раз для оправдания таких проектов успешности определенного цивилизационного, западного, ареала, золотого миллиарда, вовсе не озабочен успешностью всего остального мира. В этой ситуации (и еще 100–200–300 лет) современная национальная идея России означает определенную оптимальную степень закрытости, автаркичности экономики, контроля пограничных обменов. Это все должно существовать как фактор, повышающий жизнеспособность России. Последние очень яркие открытия на эту тему представлены в брошюре, в которой анализируется содержание так называемого мирового финансового кризиса. Там есть поразительные открытия, которые говорят о том, что те, кто этот кризис спроектировал, организовал, управляет, пострадает от него меньше всех. А больше всех страдает Россия. Это показывает адресную причинно-следственную связь, а также, кто автор, а кто мишень нынешнего кризиса.

Третий вопрос. Демографический кризис касается, конечно, всех этнических групп населения, но есть отличия. Так, кавказские народы — чеченцы, ингуши и др. — показывают на сегодня рекордную рождаемость и рекордное приращение этноса в структуре российского населения. Вполне объяснимо с наших позиций, почему это происходит. А вот русский народ показывает одни из наихудших демографических показателей во всех компонентах, что позволяет диагностировать спецпроект, это и по другим независимым исследованиям диагностируется, по подрыву русских цивилизационно-ценностных оснований современной российской государственности. Я

Вас адресую к некоей обязательной методологической атрибутке, которую мы в своих исследованиях применяли. Факторное разложение, иерархическое, которое я показывал, не полностью достроенное, потому что пирамида, достроенная вниз, позволяет видеть сотни факторов той самой изначальной первой клеточки жизнеспособности. Так вот, Ваш вопрос, русские мрут, потому что пьют больше, порождает следующий вопрос: а почему пьют больше? Возникают ответы, дальше возникают новые вопросы. Когда мы по этой цепочке проходим до конца, а мы это проделали, то реконструируется этот самый русофобский, вполне управляемый, очень умно построенный сценарий подрыва потенциала жизнеспособности российской государственности.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Вадим Михайлович, когда Вы определяли идею как абстрактную философскую категорию, универсальную категорию, мне хотелось бы уточнить Ваше отношение к социальным и политическим идеям: являются ли они такими же универсальными? Скажем, идея построения коммунизма в одной «отдельно взятой стране» или идея Третьего Рима. Или американская идея «high frontier» — популярная версия все того же «Града на холме». Да и сама идея американского мессианизма...

Ответ (В.М. Межуев):

Если Вы под идеей понимаете любое мнение, любую точку зрения, любую мысль, которая приходит в голову, то тогда, конечно, ее можно обнаружить у каждого человека. Я называю идеей то, что объединяет людей и народы в масштабе общей для них цивилизации, что выражает сознание их цивилизационной идентичности.

А.И. Неклесса:

Я говорю о социальных и политических идеях...

В.М. Межуев:

Любая идеология претендует на всеобщность, содержит в себе проект политического и социального мироустройства, выходящего за рамки национальных территорий. Либерализм, социализм, консерватизм — три великие идеологии Нового времени — отнюдь не ограничены какими-либо национальными границами, являются интернациональными по своей природе. Если Америка провозглашает в качестве главного ориентира своей внутренней и внешней политики либеральную идею, то отсюда еще не следует, что либерализм — это чисто американская идея. Иное дело, что у американцев, помимо идеи, есть еще и национальные интересы, которые часто камуфлируются под идею. Нужно научиться отличать в идеях то, что продиктовано узко национальным интересом, от того, что является общечеловеческим достоянием. Противопоставляя этим интересам свои интересы, что неизбежно в любой политике, не следует выбрасывать за борт саму идею, которая содержит в себе нечто важное не только для американцев, но и для всего мира.

Вопрос (А.И. Неклесса):

У меня вопрос Степану Степановичу, т. к. меня насторожило его высказывание о «пограничном контроле» как одной из составных частей «новой национальной идеи». Интересно, а что произойдет, если независимо от любого пограничного контроля, скажем, конфессиональное содержание России постепенно изменит свой облик? И что произойдет, если будет введен пограничный контроль, т. е. Россия в данной логике рассматривается, как здесь прозвучало, в виде некой пространственной оболочки, существующей в динамичном глобальном и, скорее всего, трансграничном окружении. Как изменится в таком случае ее демографическое и социальное состояние?

Ответ (С.С. Сулакишин):

Ваши «если» имеют отношения к сегодняшним тенденциям, а эти самые тенденции проистекают либо из их актив-

ного формирования, через те рычаги управления, которые есть и вовне страны, и внутри ее. Скажем, через информационное, сетевое, психологическое воздействие на население. Я вспоминаю, как ко мне пришли бандиты в начале нового века и сказали: «Покупайте 150 тыс. комплектов тарелок с ресиверами, принимающие спутниковые сигналы, — остатки империи Гусинского». Он это закупил, собирался запускать спутники, собирался устроить систему промывки мозгов для всего населения страны. Итак, тенденция тенденции — рознь. Некоторые надо поддерживать, некоторым надо противостоять. А есть тенденции не объективные, а инспирируемые. Вот те инспирируемые тенденции, которые в рамках крупномасштабного проекта, осуществляемого с нашей страной, торпедируют ее жизнеспособность, в нашей формулируемой управленческим образом национальной идее должны купироваться, должны отражаться, должны пресекаться. Для этого должны создаваться институты, тратиться средства, разрабатываться технологии, в том числе, вполне технократические, поскольку на сегодня новые технологии подрыва элементов государственности — сетевые, глобальные, информационные. Элементы пограничного контроля, трансграничного контроля нужны — это тоже легко показать. Москва на сегодня потребляет 75% импортного продовольствия. Закрыть этот поток очень легко. Ровно также, взмахнув белым флагом, как прекращены каналы перекредитования западными банками российских заемщиков, в свою очередь у которых оборотный капитал, который должен кредитным образом пополняться, погашен. Это потому что эмиссионная функция ЦБ навязана ему в режиме — даже не перевели на русский язык — currency board, когда эмиссия производится под валютную выручку за проданные углеводороды и не более того, вне всякой связи с потребностями экономического оборота в стране, потребностями ликвидности банковской системы в стране. Поэтому вопросы, скажем, валютного трансграничного контроля необходимы. Тогда не произошло

бы на волне девальвации вывода уже около 300 млрд долл. за рубеж. Иными словами, безопасность страны — это вполне предметный вопрос, который в национальной идее один из основополагающих, потому что в корне нашего определения национальной идеи — сохранение сущности страны и гарантии ее будущего.